

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКОГО ПОЭТА КИРГИЗИИ В. ШАПОВАЛОВА

В. И. Шаповалов — поэт, переводчик, доктор филологических наук, профессор Киргизского национального университета. Он родился в г. Фрунзе, который теперь именуется Бишкек. В 2005 г. В. В. Путин во время визита в Киргизию вручил В. Шаповалову орден «Дружба народов».

Русская культура, литература в том числе, стала в XX в. большой составной частью среднеазиатской советской действительности. Инерция этого присутствия сохраняется. Перед нами страницы истории современной русской литературы, обладающие своей феноменальностью, в основе которой сейчас острейший драматизм переживания идентификации гражданской, этнической и шире — духовной вообще.

«О Азия! — пустеют села русские, / Основанные предками давно»; «я навсегда запечатан в фундаменте дома, где рушатся стены», «взгляни на меня: / вот обычный заложник, / в сущности, просто камень в могильной ограде, / канувший в вечной прохладе / чуждой земли» [1]. Степень драматизма проступает отчетливее при сопоставлении нынешней поэзии Шаповалова с тем, что было написано им раньше конца 80-х гг.: «...Мы родичи по доброте и гневу / по нас перерождающим словам. / О, Слово!..»; «...И чтоб наш дом не занесло песком, / всей сутью дней своих мы пишем Книгу, / слагая мир всеобщим языком».

Лирический герой В. Шаповалова — прежде всего филолог и почти в той же мере культуролог, особенно в поэзии зрелого периода творчества. Судьба этого лирического героя имеет историко-литературную аксиологическую окрашенность.

Интертекстуальность поэзии данного автора в большой мере способствует культурологической типизации образа-переживания, суть которого — жизнеутверждающее содружество культур. Так, есть основания для ассоциации с «Глиняной книгой» казаха Олжаса Сулейменова: «И белой курью крашены, и смолю / седеют головы веков, Олжас. / Мы родичи по горькому застолью, / Но сладок хлеб, когда он — в добрый час». В. Шаповалов находит и другие возможности. Обширна соотнесенность с творчеством современных литераторов Киргизии М. Байджиева, С. Сусловой, А. Дядюченко, художника Д. Ждумабаева, а также — трудами филологов Е. Д. Поливанова, Е. К. Озмителя и др.

Первая книга двухтомника избранных произведений Шаповалова включает в себя лирику и поэмы, вторая — переводы. Вступительная статья, помещенная в первом томе, написана Чингизом Айтматовым и Семеном Липкиным, называется «Поэзия в человеческом пространстве». Эта фраза в большей мере отражает то, что предстает перед филологическим взором,

обращенным к произведениям В. Шаповалова. Если приложить к ним термин «геопоэтика» [2], то откроется такой ряд образов, среди которых много напрямую созвучных названию сборника — «В Азийском круге» («Аил затих, прислушавшись к себе», «таласский путь...Тысячелетий сцена, / где орды шли», «гремела байга», «решетки юрт ажурны и тревожны», «свечение гор, закрытых облаками»), а кроме того — художественные обозначения Турина, Марселя, Таллина, Нью-Йорка, Подмосковья... В историко-культурный ряд сосуществования у В. Шаповалова поставлены эпосы «Манас», «Рамаяна», «Гильгамеш», «Илиада», «Слово о полку Игореве».

Писавшие о Шаповалове отмечали как характернейшую черту его поэтического мира, любовь к земле, принадлежавшей не его предкам, но ставшей родиной. «...Его жизнь слилась с пространством и временем киргизской земли, в то же время не скрывая “сквозь соль азийский смуглоты российской ярости черты” [3]; «Рожденный в “азийском круге”», «постигший язык и внутреннюю ткань обычаев», являясь переводчиком и филологом-компаративистом, «впитавший в себя более, чем обычный человек в той же ситуации, — он подчинился поэтическому фатуму: разделить и выразить (что еще больней) все, что выпало на долю всех, в этом круге оказавшихся» [4].

Те русские, которые в перипетиях современной отечественной истории родились в республиках Средней Азии, но со временем стали жителями других стран, покинув место своего рождения и становления, продолжают пребывать в «азийском круге» мысленно. Они — особая читательская среда, которая чутко отзывается на образы «азийского круга».

Во многих поэтических текстах Шаповалова есть имена представителей истории, художественной культуры Средней Азии, в первую очередь — Киргизии: «Акын Ибрай своей рукой / Комуз чужой души настраивал»; «слово Алмамбета без обмана»; «пепелище тризны Кокетея»; «Манас шел славы искать». Рефлексия лирического героя, выражающая приятие мира, очень часто принимала геопоэтическую окрашенность, помеченную именно образами среднеазиатских реалий: «У сердца участь высока. / Так очарует нас, окликнет нас / В веках пылающая клинопись / Арчи и скал...» [5]. Поэтическое обоснование органичности этих переживаний гражданской и эстетической преданности Востоку — их укорененность в жизни лирического героя. Они есть среди самых ранних его впечатлений о жизни:

*...Помню детство.
одиночество огромной комнаты
со спартанской обстановкой тех лет.*

*И единственного собеседника —
черный большой репродуктор в углу:
выключить его было нельзя,
но он этим и не злоупотреблял,
говорил он немного, а пел еще тише
в сумерках послевоенных лет...*

.....

*Именно тогда, глядя в черное лицо
репродуктора,
я полюбил киргизскую музыку...*

Это строки из пролога лирической поэмы «Начало». Трепетность детского восприятия поясняется силой исполнения народным сказителем-манасчи древнего эпоса, когда «грубый и нежный надрыв» комуза сливается с «нарастающей мощью дыхания», придающего «старческому голосу певца» специфический динамизм.

В ретроспективном лирическом монологе «Экспромт», посвященном С. Сусловой, среди памятных реалий, ставших знаками жизни, в которой было достаточно места безмятежности и надеждам, упоминаются Большой Чуйский канал (БЧК), названия городов, не казавшиеся тогда ни этнически чуждыми, ни политически наполненными: «Из города Фрунзе в город Кант / Крутил педали велосипед / И смычком отсчитывал музыкант / Ноты лет», «Мы не знали тогда ни ЦК, ни ЧК, / Наше детство прошло на БЧК...».

В стихотворениях, где так или иначе упоминается родословная лирического героя и других его русских земляков, говорится о людях, занесенных в эти места волей истории — переселенцах, ссыльных, эвакуированных. В одном из поэтических текстов Шаповалова им даны такие метафорические определения — «маргинальные растения», «случайные заметки на полях» («где кой-кого потом и закопают»). «А мы и есть тот самый урожай», — резюмирует лирический герой, заостряя тему драматизма судеб их предрешенностью.

Стихотворение с посвящением «В память о фрунзенской журналистке и переводчице Е. Д. Орловской» («Дивясь величию нашего похода...», 1990–1992) содержит многоплановый образ культуры. В нем соединились перипетии отечественной истории, биографии переводчицы и автобиография лирического героя, тоже литератора. Зримые подробности поведения, и быта той женщины, чьи «и жизнь, и смерть» «так прочно позабыты», воскрешают человеческий характер в неповторимости и типичности. Лирический герой выступает в роли очевидца, у которого среди впечатлений юности жест доброты и понимания со стороны Орловской — книжка стихов в подарок. Позже к этому присоединилось знание о более чем скромных житейских обстоятельствах: в жилище — «лишь только книги, / кастрюлька, тумбочка, ползанавески — / пронзительная эта нищета...»; «увы, все эти книги под конец / она распродавала — чтобы жить». А между тем «В ее друзьях бывали М. Светлов, / А. Жаров», ей писал Б. Пастернак, в ее переводах цитировали киргизских поэтов.

Забвение «рождением или происхождением — русских, / российских... / что жили здесь» — мотив, объединяющий это стихотворение с рядом других поздних произведений В. Шаповалова, окрашенных то грустью, то сарказмом, то иронией. Лирический герой соотносит и себя с теми, кто забыт:

*...Увы, успел на молодость взглянуть
свою — со стороны: она была*

*не то, чтоб уж совсем провинциальной —
она была такой, как этот город,
как русская культура на Востоке
(вернее, то, что от нее осталось),
вся будто бы — оттуда,
но уже
российской почве якобы чужая,
как без любви просватанная дочь.*

Хронологически близкое стихотворение «Тени в раю» (1990), посвященное С. И. Липкину, средствами баллады повествует о двух ученых, Евгении Поливанове и Касыме Тыныстанове. Реальное и фантастическое автор сплетает, чтобы увидеть современность глазами тех, кто в первой половине XX в. жил поэзией единства культур, будучи людьми разных национальностей:

*В маленьком садике,
где столик стоит и скамейка,
сгорблен, сидит Поливанов,
лицо его детское измощено,
он тихо беседует с другом.
Друг его видный киргизский ученый,
Властность и ум в чертах его и во взоре.
Молча сидят они, подавлены и печальны.
...Время прошло,
Кончается тысячелетье,
сидят они, заняты долгим молчаньем.
Оба расстреляны и, естественно знают об этом,
после расстрела встретились...*

Лирический герой стихотворения говорит и о людях поколения, к которому принадлежит сам, — «пробуждавшие в своих временах», так полна для него эпоха драматическими коллизиями. Поскольку он часто демонстративен именно в качестве филолога, с лирикой логично сопоставить некоторые литературоведческие работы, тематически близкие данному стихотворению.

В статье «Эпос “Манас” и русский филолог Е. Д. Поливанов» у В. Шаповалова есть высказывание о проблеме современной оценки взаимодействия русской и киргизской культур: «...Толерантность русской культуры к Востоку, сделавшая историю Империи, по крайней мере, лишенной многих черных страниц, свойственных колониальной истории Европы, вызывают ощущение некоего феномена *непризнанного гуманизма*» [6]. Автор статьи видит ценность позиции советского ученого-востоковеда в независимости его литературоведческого суждения от социологических крайностей 30-х гг.: «Эпос “Манас” интересовал Поливанова как уникальный памятник кочевой цивилизации — реликтовая ценность, парадоксально неотделимая от становления в 20–30-е гг. новой национальной культуры. Вопреки распространяющейся тенденции ревизовать старые ценности» [7].

В другой литературоведческой статье 90-х гг., посвященной судьбе вышедшей в 1925 г. книги Касыма Тыныстанова, на долгое время оказавшейся

под запретом, Шаповалов подчеркивает, что национализм несправедливо инкриминировали создателю «первых образцов авторской лирики и первой киргизской поэмы» [8]. Очевидно, Шаповалов, как и Поливанов, чужд недооценке роли, которую сыграла (наряду с влиянием русской литературы в условиях советской реальности) дореволюционная киргизская культура устного художественного слова в становлении книжной киргизской поэзии. Наблюдая события, направленные на то, чтобы воскресить для читателя сборник Тыныстанова, автор статьи отмечает постепенное затухание внимания. Оно оказалось лишь временной политической акцией, цель которой — в нужный исторический момент продемонстрировать заботу о ценностях культуры. В частности, перевод на русский язык, сделанный Шаповаловым совместно с профессором М. Рудовым, не спешили издавать. В связи с выходом сборника есть более чем грустное признание: «Мы представляем книгу стихов Касыма Тыныстанова как, безусловно, вершинное достижение киргизской литературы тех лет... Мы думаем также, что это последний в XX столетии перевод на русский язык крупного явления киргизской поэзии. Так что эту книгу можно считать — уж как кому понравится — либо лебединой песней, либо реквиемом русского перевода здесь, у нас на родине, в Кыргызстане» [9].

«...У нас на родине, в Кыргызстане» — цитата, автор которой — человек, остающийся верным своей профессиональной судьбе — быть частью истории киргизской литературы.

В этом он подобен действующим лицам стихотворения «Тени в раю». Они в своем запредельном диалоге, подводя итоги завершающегося тысячелетия, произносят риторический вопрос:

*И все же, и все же, и все же,
как это с нами случилось,
когда это с нами случилось?*

Датировка текстов, которую находит читатель в данном сборнике стихов, производит впечатление своеобразного знака смятения. Во многих случаях она двойная, например, «1972, 1986» у стихотворения «Отречение от степи» или «2963, 1993» у произведения «Чужая жизнь». Под иными стихами дата отсутствует вовсе («Художник», «Шлягер», «Межвременье в Джети-Огузе»). В некоторых случаях подчеркнуто конкретизирована: «13 марта 1996» (по отношению к тексту «Экспромт»), «25 августа 1990» — к стихотворению «Над Орхидским озером». Далеко не всегда есть возможность подробно отслеживать развитие образа или движение мотива в хронологическом порядке, иногда указывается лишь период творчества — ранний или поздний.

В стихотворении «Баллада о киргизской речи», датированном «1976, 1988», тема необщности последующей исторической судьбы двух народов решается через развертывания образа личных дружеских связей лирического героя.

*...В мастерской у приятеля
Дружным общеньем насытятся,*

*Внятером мы сидели под солнышком
Зрелой весны.
Сын художника с громкой фамилией,
Сам живописец,
Усмехнулся;
— Лет двадцать, и русские нам не нужны.
На меня покосились.
И паузы гул затянулся.*

Этот пассаж автор стихотворения завершил дипломатично-дружественными репликами участников беседы, смягчившими обнажившееся противоречие.

«Лет двенадцать прошло / (И лет восемь, как видно, осталось / До того / Оппонентом моим нареченного дня?)...» — слова лирического героя, за которыми следует признание «все чаще на сердце усталость» и экскурс в историю, сопровождающийся описанием эпизодов частной жизни и личных отношений. Выстраивается целый ряд поэтических аргументов в пользу того, чтобы «продолжать эту дружбу». И тем не менее для лирического героя в 1988 г. вопрос остается: «Что же будет? / Не знаю. / Лет восемь еще впереди...»

В тех произведениях, где лирический герой В. Шаповалова выходит за пределы XX в. (особенно ко временам Манаса, стремившегося объединить кочевые племена киргизов), он освобождается от границ социального и психологического опыта отдельной человеческой судьбы (своей в том числе) и принимает неотвратимость противоречия между древним, генетическим единством внутри этноса и более кратковременным межэтническим союзом. Драма личной судьбы от этого не исчезает, но обретает оттенок трагизма, т. е. лирический герой остается верен большинству своих прежних принципов, не порывает с той национальной культурой и всей национальной средой обитания, в которой русским остается все меньше места. Представляется интересным более подробное исследование образа истории у В. Шаповалова и других авторов, преломивших в своем творчестве коллизии самоопределения личности в ходе изменения границ нашего отечества.

В статье Е. Абдуллаева «Современная русская литература Средней Азии: случай многослойного отражения» (Вопр. лит. 2006. № 3) ведется речь о том, как своеобразна картина мира, когда на русском языке, выражает себя сознание человека, которого взрастила инонациональная культура во второй половине XX в.

Культурное пространство содержит менее суровые границы, чем административно-политическое, тем и интересно. Когда судьбы народов, прошедших значительную часть дороги вместе, оказались перед неизбежностью продолжения пути врозь, проблема самоопределения личности обостряется, приобретает разнообразные варианты решения. Лирическая поэзия — обширное поле постижения такого типа личности в современном мире.

Примечания

1. Здесь и далее стихотворные строчки цит. по кн.: Шаповалов В. И. В Азийском кругу: Избранное. Т. 1: Лирика. Поэмы. Бишкек, 2003.

2. *Абашеев В. В.* Геополитический взгляд на историю литературы Урала // Литература Урала: история и современность: Сб. ст. Екатеринбург, 2006. С. 18.
3. *Шейнман Л.* «Последний герой»? Несколько слов об авторе этой книги // Шаповалов В. И. Контексты перевода: Ст. разных лет. Бишкек, 2004. С. 9.
4. *Айтматов Ч., Липкин С.* Поэзия в человеческом пространстве // Шаповалов В. И. В Азийском круге: Избранное: Т. 1. Лирика. Поэмы. С. 7.
5. Арча — киргизское название можжевельника, его виды растут на каменистых склонах Тянь-Шанских гор.
6. *Шаповалов В. И.* Контексты перевода: Ст. разных лет. С 30.
7. Там же. С. 31.
8. Там же. С. 303.
9. Там же. С. 307.

© Пухова Н. В.
г. Екатеринбург

К ПРОБЛЕМЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ КРИТИКЕ

Данная статья посвящена некоторым проблемам постмодернизма и путям их решения в работах отечественных и зарубежных критиков.

1. Первой проблемой является вопрос о существовании самого феномена постмодернизма. Суть ее заключается в попытке обосновать постмодернизм как «реальность современного художественного процесса» [1, с. 23], а не результат искусственного теоретического построения, иными словами, определить, является ли постмодернизм самостоятельным литературным направлением.

Существуют две противоположные точки зрения. К первой группе исследователей принадлежат, например, С. Сулейман, Х. Летен и др. Они считают, что постмодернизм как явление не существует, что это лишь «некий критический миф».

Мы придерживаемся точки зрения другой группы, к которой принадлежат В. Вельш, А. Хорнунг и другие исследователи, утверждающие, что «постмодерн и постмодернизм отнюдь не являются выдумкой теоретиков... конгруэнция постмодернистских феноменов в разных видах искусства и в общественных феноменах просто очевидна» [2]. Кроме того, А. Хорнунг утверждает наличие «радикального разрыва между модернистской и постмодернистской литературами, отражающегося в оппозиции двух эпистем: субъективность в противовес потере субъективности» (цит. по: [1, с. 20]).

2. Вторая проблема касается причин оформления постмодернизма в самостоятельное культурно-историческое и литературное направление.

О. Б. Вайнштейн определяет постмодерн как «глобальное состояние цивилизации последних десятилетий, отражающее культурные настроения и философские тенденции» [3, с. 3]. Другими словами, постмодерн — это мировоззрение, мироощущение, господствовавшее в XX в., настроение общества, связанное с ощущением завершения целого культурно-историчес-